

© Е.Н. Василенко

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Политический дискурс как проявление взаимодействия языка и общественной жизни в наше время представляет собой одно из наиболее исследуемых в лингвистике явлений. Однако прежде чем обратиться к рассмотрению собственно политического дискурса, следует остановиться на проблеме разграничения дискурса и текста.

1. Проблема определения понятий «дискурс» и «текст».

Дискурс как лингвистический феномен получил разностороннее освещение в работах современных исследователей (Б.М. Гаспаров, Т. Ван Дейк, Т.М. Дридзе, В.И. Карасик, П. Серю, М. Фуко и др.).

Так, в книге М. Фуко «Археология знания», целиком посвященной анализу данного феномена, указывается как на сложность самого явления («смутное значение слова “дискурс”»), так и на неоднозначность его определения («что касается термина “дискурс”, используемого слишком неопределенно...») [Фуко 2004, с. 81].

В настоящее время существует несколько основных подходов к определению и методам изучения дискурса, а также к способам разграничения дискурса и текста. Для дифференциации этих двух понятий используются оппозиции дискурса и текста как функций и структуры, динамики и статики, конкретности и абстрактности, актуальности и виртуальности, процесса и результата [Куралева 2007, с. 85–90; Прохоров 2004, с. 17–21].

В лингвистическом энциклопедическом словаре (1990) дискурс определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”» [Арутюнова 1990, с. 136–137].

Схожую точку зрения находим у Э. Бенвениста, который определяет дискурс как «функционирование языка в живом общении», «язык, присвоенный говорящим» [Бенвенист 1974, с. 296].

При таком подходе представляется, что «текст» – это понятие собственно лингвистическое, а термин «дискурс» имеет лингвосоциальный характер.

П. Серю, анализируя работы французских ученых, выделяет восемь значений термина «дискурс»: 1) эквивалент понятия «речь» (по Ф. де Соссюру), т. е. любое конкретное высказывание; 2) единица, по размерам превосходящая 26

фраза; 3) воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации высказывания; 4) беседа как основной тип высказывания; 5) речь с позиций говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такую позицию (по Э. Бенвенисту); 6) употребление единиц языка, их речевую актуализацию; 7) социально или идеологически ограниченный тип высказываний, например, феминистский дискурс; 8) теоретический конструкт, предназначенный для исследований условий производства текста [Серио 1999, с. 26–27].

Р. Барт определяет дискурс как «любой конечный отрезок речи, представляющий собой некоторое единство с точки зрения содержания, передаваемый со (вторичными) коммуникативными целями и имеющий соответствующую этим целям внутреннюю организацию, причем связанный с иными культурными факторами, нежели те, которые относятся собственно к языку» [Барт 1978, с. 443].

Представители семиосоциопсихологического подхода, например, Т.М. Дридзе, считают, что в коммуникативной системе «текст – интерпретатор» текст необходимо рассматривать не как любой отрезок линейно организованного потока речи, а как «систему коммуникативно-познавательных элементов, функционально (т. е. для данной конкретной цели/целей общения) объединенных в единую замкнутую, иерархически организованную, содержательно-смысловую структуру общей концепцией или замыслом (коммуникативной интенцией) субъекта общения» [Дридзе 1999, с. 61]. Подтверждение этому находим у Т.М. Николаевой, которая полагает, что «все высказывания текста связаны не только линейной, но и глобальной когерентностью. Таким образом, текст есть не только совокупность цепочечных микроструктур, но некоторое глобальное единство, макроструктура. Текст, лишенный макроструктуры, не является осмысленным» [Николаева 1978, с.34].

Текстовая деятельность рассматривается Т.М. Дридзе в качестве вида личностной активности, включающей вербальные и невербальные интеллектуально-мыслительные операции, совершаемые для организации смыслов в ходе общения. На наш взгляд, такое определение текстовой деятельности вполне соответствует значению термина «дискурс».

Б.М. Гаспаров указывает не только на единство самого текста, но и на единство всех условий, при которых он был создан: «всякий акт употребления языка – будь то произведение высокой ценности или мимолетная реплика в диалоге – представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта. В этом своем качестве он вбирает в себя и отражает в себе уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых он был создан» [Гаспаров 1996, с. 10].

Концепция, разработанная Т.А. ван Дейком, предполагает противопоставление дискурса и текста в оппозиции «актуальность – виртуальность». Помимо этого, дискурс и текст противопоставлены также как процесс и результат. Текст, по мнению Т. ван Дейка, является фиксированным результатом дискурса и пред-

ставляет собой абстрактный ментальный конструкт, который реализуется в дискурсе [ван Дейк 1978, ван Дейк 1989]. «Дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта. Преимущество такого понимания состоит в том, что дискурс <...> не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, т. е. рамками текста или самого диалога. Анализ разговора с особой очевидностью подтверждает это: говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию» [ван Дейк 1989, с. 121–122].

Представители когнитивно-дискурсивного направления исследований также противопоставляют дискурс и текст как процесс и результат. Опираясь термином «дискурс», они предлагают рассматривать его как действие, с помощью которого участники дискурса могут влиять на мир и друг на друга. В частности, Е.С. Кубрякова определяет дискурс «как такую форму использования языка в реальном (текущем) времени (on-line), которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее осуществления и, конечно же, ее целями» [Кубрякова 2004, с. 525].

Представители данного направления выделяют следующие признаки текста, рассматривая его как результат речемыслительной деятельности: информационная самодостаточность, интенциональность и адресатность. При этом они не противопоставляют понятия текста и дискурса, так как последние не являются взаимоисключающими, поскольку текст, будучи продуктом процесса речи, завершаемым произведением и оказываясь регистрацией коммуникативного акта, рождается в ходе дискурса. При этом подчеркивается различие ракурсов, в которых рассматриваются эти два явления. В частности, дискурс не может изучаться вне учета всех социальных параметров и прагматических факторов, в то время как текст может анализироваться как завершённое языковое произведение [Кубрякова 2004, с. 526].

Таким образом, в рамках данной парадигмы исследований дискурс и текст представляют собой взаимосвязанные явления, причем дискурс, на наш взгляд, рассматривается как более широкое понятие, чем текст, который, в свою очередь, является его необходимым компонентом.

И.Ф. Ухванова-Шмыгова, рассматривая дискурс в качестве деятельности, феномена и функции в треугольнике «функция – репрезентация – деятельность», полагает, что понятие дискурс уже, чем понятие текст. По ее мнению, различие между текстом и дискурсом заключается в том, что «в дискурсе деятельность

сужена до ее социально-ориентированных речевых проявлений» [Уханова-Шмыгова 1998, с. 11]. И.Ф. Уханова-Шмыгова рассматривает дискурс в качестве феномена «следа», оставленного деятельностью, и подчеркивает тот факт, что этот след может быть «прочитан» только с конкретных позиций, только в условиях существующего контекста [Уханова-Шмыгова 1998, с. 11].

Е.И. Шейгал, уделившая много внимания исследованию семиотической структуры политического дискурса, предлагает рассматривать дискурс в его реальном и потенциальном (виртуальном) аспектах. В реальном измерении дискурс определяется как «совокупность дискурсивных событий, текущая речевая деятельность в определенном социальном пространстве, обладающая признаком процессности и связанная с реальной жизнью и реальным временем, а также возникающие в результате этой деятельности произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов» [Шейгал 2000, с. 12]. В потенциальном (виртуальном) аспекте дискурс представляет собой семиотическое пространство, которое включает вербальные и невербальные знаки, а также представление о типичных для данного типа коммуникации моделях речевого поведения [Шейгал 2000, с. 13].

Существуют и другие точки зрения. Например, В.И. Карасик считает, что «дискурс представляет собой явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в «сухом остатке» общения, с другой стороны» [Карасик 2004, с. 231]. В.З. Демьянков называет дискурсом «текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора» [Демьянков 2002, с. 32]. А.П. Чудинов указывает на то, что не стоит использовать термин «дискурс» для обозначения таких понятий, как контекст (как фрагмент текста), текст, нарратив или речевую деятельность [Чудинов 2008, с.40]. И это, несомненно, далеко не все предлагаемые трактовки понятия «дискурс».

На наш взгляд, представляется правомерным рассмотрение дискурса как единства текста и контекста в самом широком понимании данного слова. Таким образом, текст (как устный, так и письменный) выступает как неотъемлемая часть дискурса наряду с контекстом, включающим лингвистические, экстралингвистические и паралингвистические параметры. При этом тексту, в отличие от дискурса, не имеющего временных границ, свойственна завершенность. Преимущество такого подхода, на наш взгляд, состоит в том, что дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает социальный аспект коммуникации.

2. О понятии «политический дискурс».

Изучение политического дискурса – актуальное направление современных лингвистических исследований. При этом единства в толковании самого термина «политический дискурс» среди исследователей нет. В самом общем виде можно констатировать, с одной стороны, узкое его понимание как класса жанров, огра-

ниченного особой социальной сферой, а именно, политикой (Р. Водак, Т.А. ван Дейк и др.), с другой – широкое как речевого образования, любая составляющая которого относится к политике (В.В. Зеленский, Е.И. Шейгал, В.И. Карасик).

В частности, И.Ф. Ухванова-Шмыгова понимает под политическим дискурсом вербализованный опыт осмысления объектов, формирующих концептуальное поле политики как сферы человеческой деятельности, связанной взаимодействием между социальными группами, ведущими борьбу за завоевание, удержание и использование в своих интересах государственной или какой-либо иной власти. Другими словами, политический дискурс – это «совокупность политических дискурсов социума: дискурса власти, контрдискурсии, публичной риторики, закрепляющих сложившуюся систему общественных отношений либо дестабилизирующих ее» [Ухванова-Шмыгова 1998, с. 11].

Как указывает Е.И. Шейгал, «специфика политики в отличие от ряда других сфер человеческой деятельности, заключается в ее преимущественно дискурсивном характере: многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями» [Шейгал 2000, с. 18]. Исследовательница использует термины «политический дискурс» и «политическая коммуникация» как равнозначные. Принимая во внимание различные толкования термина «дискурс», Е.И. Шейгал считает необходимым определить содержание и объем понятия «политический» применительно к дискурсу. Анализируя различные подходы, она предлагает исходить «из широкого понимания политической коммуникации и включать в нее любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики» [Шейгал 2000, с. 23]. При этом решающим критерием квалификации коммуникации как политической является ее содержание и цель, которая состоит в борьбе за власть [Шейгал 2000, с. 24].

По мнению А.Н. Баранова, политический дискурс образует «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, овященных традицией и проверенных опытом» [Баранов 1997, с. 108].

А.П. Чудинов полагает, что «в содержание политического дискурса должны быть включены все присутствующие в сознании говорящего и слушающего (пишущего и читающего) компоненты, способные влиять на восприятие речи. К числу этих компонентов относятся другие тексты [...], политические взгляды автора и его задачи при создании текста, представления автора об адресате, политическая ситуация, в которой создается и «живет» данный текст» [Чудинов 2008, с. 41].

Последняя точка зрения представляется нам наиболее правомерной. Как отмечает А. П. Чудинов, «изучение политического текста и его элементов в дискурсе – это прежде всего исследование степени воздействия на данный текст и на его восприятие адресатом разнообразных языковых, культурологических, социальных, экономических, политических, национальных и иных факторов» [Чудинов 2008, с. 41].

3. Функции политического дискурса.

Политический дискурс, как и другие виды дискурса, характеризуется наличием имманентных функций, подчиненных его основному назначению.

Несомненным представляется тот факт, что основной функцией политического дискурса является борьба за власть (агитация за власть, захват и удержание власти, ее стабилизация).

По мнению А.Г. Алтуяна, наиболее существенными функциями политического дискурса являются: **идеологическая**, предполагающая выражение мировоззрения, интересов определенных групп, слоев общества; **апеллятивная**, посредством которой оратор побуждает адресата к действию; **аргументативная**, обеспечивающая необходимость убедить аудиторию в истинности именно своей позиции; **мобилизующая**, благодаря которой оратор мобилизует аудиторию в свою поддержку; **информативная**, обеспечивающая сообщение некоторой политической информации; **экспрессивная**, обеспечивающая выражение эмоций [Алтуян 1998, с. 13–14].

Классификация, разработанная Е.И. Шейгал, носит более детализированный характер. В рамках этой классификации основные функции политического дискурса представлены в виде пяти групп, которые включают функции интеграции или дифференциации групповых агентов политики; агональности или гармонизации (конфликт и консенсус); акциональную и информационную функцию (осуществление политиками политических действий и информирование о них); функцию интерпретации и ориентации (создание «языковой реальности» поля политики и обеспечение существования в данной реальности), а также контролирующую и побудительную функцию (манипуляция сознанием и стимулирование действий электората) [Шейгал 2000, с. 41–42].

Преобладание одной или нескольких из этих функций в конкретных случаях объясняется особенностями жанра политической коммуникации, типом аудитории и другими факторами лингвистического и экстралингвистического характера.

Нам представляется, что наиболее существенными являются следующие функции политического дискурса: **инструментальная** – использование языка как инструмента для завоевания и удержание власти; **идеологическая** – выражение мировоззрения, интересов определенных групп, слоев общества; **информативная** – сообщение некоторой политической информации; **апеллятивная** – побуждение адресата к действию; **аргументативная** – необходимость убедить аудиторию в истинности именно своей позиции; **мобилизующая** – необходимость мобилизовать аудиторию в свою поддержку.

4. Свойства политического дискурса.

К числу системообразующих характеристик политического дискурса, по мнению Е.И. Шейгал, относятся следующие: преобладание массового адресата; опосредованность политической коммуникации фактором масс-медиа; динамичность языка политики; доминирующая роль фактора эмоциональности и значи-

тельный удельный вес фатического общения; смысловая неопределенность, связанная с фантомностью ряда денотатов и фидеистичностью; эзотеричность, которая в политическом дискурсе проявляется не как семантическая, а как прагматическая категория (что обуславливает использование в нем таких стратегий, как эвфемизация, намеренная уклончивость, намек и ссылки на слухи); театральность или театрализованность политического дискурса [Шейгал 2000, с. 42-69].

Нам кажется, что первостепенными являются такие признаки политического дискурса, как преобладание массового адресата, смысловая неопределенность и эзотеричность. Не вызывают сомнений также опосредованность политической коммуникации фактором масс-медиа и динамичность языка политики. Театральность политического дискурса мы бы не стали относить к основным его признакам. Что касается доминирующей роли фактора эмоциональности и значительного удельного веса фатического общения, то, на наш взгляд, эти признаки не являются системообразующими для политического дискурса.

Говоря об имманентных чертах политического дискурса, необходимо отметить, что ему, как и другим типам дискурса, присуща интертекстуальность: политический текст, будучи помещенным в конкретную среду и обладая собственной структурой, вторичен по отношению к уже существующим текстам и обладает некоторыми их чертами [Спиридовский 2006].

Не вызывает сомнений также и прагматическая направленность политического дискурса. Именно прагматическая направленность и необходимость произвести запланированный эффект на аудиторию обуславливают выбор и использование языковых единиц и стратегий говорящего. В.И. Карасик выделяет следующие способы воздействия: по соотношению статусов – институциональное и неинституциональное; по эксплицитности – открытое и маскируемое; по преимущественному использованию рациональных / эмоциональных средств – аргументативное и эмоционально-волевое; по жанрово-тематической отнесенности – политическое, рекламное, терапевтическое [Карасик 2002].

Рольевым маркером политического дискурса принято считать оппозицию «свой – чужой». Чуждость в политическом дискурсе подразумевает принадлежность к иной идеологии, иной социальной группе, иной системе ценностей. Такое разделение мира на «нас» и «их» разбивает мир на два лагеря, с одной стороны, и служит цели консолидации внутри «своих», с другой.

Политический дискурс как общественная практика устанавливает, поддерживает, изменяет отношения власти и влияния в обществе. В этой связи Е.И. Шейгал отмечает: «Содержание политической коммуникации в принципе сводится к публичному обсуждению трех фундаментальных вопросов (фактически, вопросов власти): 1) распределение общественных ресурсов; 2) контроль за принятием решений / право принимать решения (судебные, законодательные и исполнительные); 3) применение санкций (право наказывать или награждать)» [Шейгал 2000, с. 22].

Таким образом, в настоящее время наблюдается повышенный интерес к изучению политического дискурса в плане различных аспектов его функционирования. Несомненно, многие вопросы еще остаются открытыми, однако, существует уже достаточное количество фундаментальных исследований, посвященных анализу данного явления, результаты которых позволяют делать методологически существенные и теоретически значимые обобщения существующих точек зрения на свойства и функции политического дискурса.

Литература

- Алтунян, А.Г. «Политические мнения» Фаддея Булгарина / А.Г. Алтунян. – М.: УРАО, 1998. – 207 с.
- Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
- Баранов, А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом / А.Н. Баранов // Человек. – 1997. – № 6. – С. 108–118.
- Барт, Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 442–449.
- Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
- Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ / Б.М. Гаспаров. – М.: Новое лит-ное обозрение, 1996. – 351 с.
- Дейк, Т.А. ван. Вопросы прагматики текста / Т.А. ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 259–336.
- Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
- Демьянков, В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. – М., 2002. – № 3. – С. 32–43.
- Дридзе, Т.М. Социокультурная коммуникация: текст и диалог в семиосоциопсихологии / Т.М. Дридзе // Социокультурное пространство диалога. – М.: Наука, 1999. – С. 58–77.
- Карасик, В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2002. – 333 с.
- Карасик, В.И. Языковой круг / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 389 с.
- Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – («Язык. Семиотика. Культура»).
- Куралева, И.Р. Категория посевивности как фрагмент русской языковой картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И.Р. Куралева; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2007. – 24 с.
- Николаева, Т.М. Лингвистика текста: современное состояние и перспективы / Т.М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 5–43.
- Прохоров, Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: учеб. пособие / Ю.Е. Прохоров. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 221 с.
- Серио, П. Как читают тексты во Франции (вступительная статья) / П. Серио // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 12–54.

Спиридовский, О.В. Интертекстуальность президентского дискурса в США, Германии и Австрии / О.В. Спиридовский // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – Вып. 20. – С. 161–169.

Ухванова-Шмыгова, И.Ф. Введение // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск: БГУ, 1998. – Вып. 1. – С. 1–11.

Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. — СПб.: Гуманитарная академия, 2004. – 416 с.

Чудинов, А.П. Политическая лингвистика / А.П. Чудинов. – М.: Флинта, Наука, 2008. – 254 с.

Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.